

Даниэль
Лопес Валье

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Как отвага, скука и любовь
сформировали мир

Исторический интерес

Даниэль Лопес Валье

**Исторические миниатюры.
Как отвага, скука и любовь
сформировали мир**

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 929
ББК 63.3(0)

Валье Д.

Исторические миниатюры. Как отвага, скука и любовь
сформировали мир / Д. Валье — «Азбука-Аттикус»,
2023 — (Исторический интерес)

ISBN 978-5-389-24870-0

История мира, которую мы знаем, строится не только на великих именах, датах, победах и открытиях – вся она соткана из миллионов человеческих чувств и поступков. В этой книге Даниэль Лопес Валье бережно собрал совершенно невероятные истории обычных людей, о которых не пишут в учебниках и книгах, но именно их решения в конечном итоге повлияли на становление мира, в котором мы живем. Вы узнаете, как самая востребованная актриса Голливуда боролась с фашизмом, как мелкий жулик изобрел терроризм ради обмана страховой компании, как два военачальника имитировали военные действия ради продолжения совместной попойки и увидите настоящую историю прообраза знаменитой Мулан. Абсурдные, трогательные, яркие, незаметные и понятные каждому из нас – перед вами истории, которые позволят взглянуть на мир немного по-другому. Содержит нецензурную брань. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-389-24870-0

© Валье Д., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Из Илиси[6] в Краков: вместо вступления	7
Не в своей тарелке	10
Высокая, тощая, с огромным носом	13
Маскарад и заговор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Даниэль Лопес Валье
**Исторические миниатюры. Как отвага,
скука и любовь сформировали мир**

*Гаснущий свет —
меркнущая империя
или светляк?!*

Хорхе Луис Борхес

Когда доходишь до середины рассказа, начинается сплошная неразбериха: мрачный рев, слепота, осколки разбитого стекла и деревянные щепки, словно захваченный ураганом дом или корабль, раздавленный айсбергами либо налетевший на рифы, поскольку люди на борту не смогли его остановить. Лишь со временем это становится похоже на историю. Когда пересказываешь ее себе самой или кому-нибудь другому².

Маргарет Этвуд

Daniel López Valle
HEX (Historias extraordinarias)

© Daniel López Valle, 2023

© Шарафеева А. М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Эту книгу Даниель Лопес Валье пишет всю свою жизнь. Или же рассказывает ее. На вечеринке в честь дня рождения, в самый разгар ночи, пытаясь кого-то утешить среди бела дня, за накрытым бумажной скатертью столом, попивая кофе или пиво. Стоит ему закончить очередную историю, как его друзья тут же начинают произносить тост. Вот какой эффект производят его рассказы. Более того, в его друзьях проснулась такая сильная любовь к историям, что они стали называть его Шахерезад.

Как и все хорошие туситалы³, балансирующие между эпичной красотой и нежностью противоречия, Даниель способен захватить внимание любым рассказом, будь то о римлянах, нацистах, египтянах, жителях его района, футболистах клуба «Эльче», за который он болеет. Именно в Эльче, городе, где он родился в 1982 году и где вырос, Даниель открыл свои первые римские таблички, а в городской публичной библиотеке – первые книги. Он окончил факультет журналистики Автономного университета Барселоны – прекрасный способ стать безработным – и преодолел связанные с поиском работы трудности, участвуя и выигрывая денежные призы в программах вроде «Знать и выиграть»⁴.

Его свободная от педантизма и преисполненная эмоций эрудиция связана с магией обнаружения величия в малом, слабости в силе, героизма в скромности и с повествовательной эйфорией, охватывающей того, кто умеет рассказывать, и того, кто умеет слушать. Он выбирает и рассказывает истории, полные человечности, потому что, кроме всего прочего, и сам является хорошим человеком.

Все эти годы он создавал Cuaderno⁵, журнал, благодаря которому мы проводили наше лето увлекательнее и познавательнее. Во время работы над журналом ему приходилось читать множество объемных исследований, все ради того, чтобы проверить найденную информацию или обнаружить какую-нибудь совершенно блестящую и несправедливо забытую историю. Маленькую, но великую историю. До сегодняшнего дня лишь у его друзей был доступ к этой другой истории. И они всегда просили его рассказать еще одну. Непохожую ни на что историю. Невероятную историю. А сейчас эти невероятные истории принадлежат всем вам. Теперь и вы можете произносить тост после каждой из них.

³ «Туситала» на языке аборигенов означает «рассказчик». Именно так аборигены называли писателя Стивенсона.

⁴ Saber y ganar (*исп.*) – телевизионная викторина.

⁵ Cuaderno – журнал, который барселонское издательство Blackie Books издает каждое лето. В журнале можно найти различные «упражнения для тренировки и восстановления мозга».

Из Илиси⁶ в Краков: вместо вступления

В городе, где я родился, – только задолго до моего рождения, еще до нашей эры, – произошла небольшая римская семейная трагедия. О ней нам стало известно благодаря двум красноватым табличкам, которые можно найти на одном похожем на свадебный торт центральном здании. На табличке покрупнее красуется надпись на латыни, а на той, что поменьше – ее перевод. Текст на латыни звучит так: DM | ULP MARCIANAE | VIXIT AN XXX | L CASSIUS IUNIA | NUS MARITAE | KARISSIMAE. А вот и примерный перевод этой фразы:

Богам – манам⁷
Ульпии Марцианы,
что прожила тридцать лет.
От Луция Кассия Юниана
Любимейшей жене его

Случившиеся две тысячи лет назад в Эльче ранняя смерть Ульпии Марцианы и горе Луция Кассия Юниана – не самый важный момент в контексте мировой истории, но когда я прохожу мимо этой надгробной надписи, с того самого первого дня, как я увидел ее в детстве, мне непременно нужно повернуться и бросить на нее хотя бы мимолетный взгляд. Помимо того что спустя двадцать веков эта табличка находится у всех на виду рядом с витриной обувного магазина, в ней нет ничего особенного: первая строчка вызывает к семейным духам усопшей, вторая уточняет возраст, в котором она скончалась, а потом ее супруг, с трезвостью, свойственной лишь римлянам, обращается к ней в последний раз. И на этом все. Смерть с косой и погребальный обряд. И тем не менее за всю жизнь мне встретилось не так много текстов, которые бы настолько меня тронули.

Несмотря на то, что об Ульпии и Луции нам больше ничего не известно, очевидно, что нам, современным людям, многие аспекты их брака и отношений показались бы недопустимыми. Более того, учитывая огромное количество всего того, что в ту эпоху могло привести к кончине человека, смертью в тридцать лет удивлять было особо некого. И все же, если вы читаете эти строки и не чувствуете нежность, грусть и истину, то, вероятно, у вас каменное сердце. Глубокая человечность – вот что меня всегда очаровывало в этой надписи. Двадцать веков спустя, живя в совершенно другом мире, мы без труда понимаем и чувствуем драму этой римской пары, которая ступала по той же земле, что и мы с вами. Наша жизнь не имеет ничего общего с их жизнью, но на нас снисходит озарение: это история о смерти любимого человека, и больше в ней нечего понимать. Такое случается сейчас, случалось тогда и будет случаться всегда.

Из-за самовлюбленности живых и нашей врожденной потребности искать во всем смысл история часто предстает перед нами как череда Великих Имен и Великих Событий, необходимых и неизбежных. Она представляет собой впадающее в наше настоящее линейное повествование, в котором все происходит так, как происходит, потому что по-другому невозможно. Но правда в том, что если бы мы не оказались здесь, то с легкостью могли бы оказаться в каком-то другом месте. И в том, что, к примеру, история Римской империи может быть как историей Юлия Цезаря, так и историей Ульпии Марцианы и миллионов других Ульпий, что в ней проживали. И даже если мы говорим о Великих Именах, история того же Цезаря может быть просто набором дат и событий, а может пролить свет на другие детали. Какая информация важнее

⁶ Так во времена Римской империи назывался испанский город Эльче.

⁷ Маны – в римской мифологии боги загробного мира, обожествленные души предков, покровители рода.

для понимания Цезаря как личности: тот факт, что он в таком-то году стал консулом, или то, как, по словам Гая Светония, он выщипывал волосы, любил красиво одеваться и не выносил, когда другие смеялись над его залысинами? Однажды, во время одной из диких попоек, друзья Александра Македонского довели его до такой степени, что он сжег Персеполь, и именно эта история, а не многочисленные описания сражений, лучше всего раскрывает его как человека, пусть и по одной простой причине: в конечном счете не боевые действия закончились сожжением самого прекрасного города на земле. Но, как говорится, у кого в жизни не было трудных ночей?

Монтень, который в ходе своих размышлений часто обращался к древней истории, писал, что в жизни знаменитых людей его больше всего интересовало «то, что происходит от духа». Он утверждал, что именно в этих историях находил «картину человека», «истину и многообразие внутренних состояний человеческой личности». Такой взгляд на прошлое имеет несколько преимуществ. Во-первых, прошлое становится более понятным, увлекательным, населенным людьми такими же реальными, как и все те, кто дышит этим воздухом сегодня, людьми смелыми и трусливыми, добрыми и несчастными, великодушными и мелочными, а чаще всего, конечно же, теми, в ком эти качества переплетаются. Хотя эти люди и обитают совершенно в другой эпохе, в них мы узнаем все то, что делает нас такими, какие мы есть: это страсть, тщеславие, побуждения, жажда мести, любовь и дружба, собственная идентичность и место в мире, борьба за принадлежность, стремление выходить за рамки дозволенного и расколоть небо или же все с точностью до наоборот. А также сталкиваемся с волей случая, которая управляет происходящим гораздо чаще, чем мы готовы признать.

К сожалению, научиться чему-то можно лишь на собственных ошибках, а значит, история – это учительница, чьи уроки, если они вообще существуют, все пропускают мимо ушей. Но такой взгляд в прошлое тоже имеет свои плюсы: ореол святости исчезает, а мы избавляемся от невыносимого груза сакральных историй. Более того, прошлое становится увлекательнее. Таким образом, те, кто заглянет на эти страницы, увидят, что они населены именами большими и маленькими, моментами решающими и незначительными, историями яркими, забытыми, несчастливыми и абсурдными, в каком-то смысле необыкновенными и очень человеческими. Также они увидят, что их основная, хотя и скромная цель заключается в попытке продолжать то, что Монтень любил находить в книгах: объединить обучение с развлечением и сделать это в форме чтения, которое может быть фрагментарным и не требовать «большого усилия»: за пятьсот лет до появления интернета бедняга признался, что читать по-другому он был просто «неспособен». Что уж говорить о нас самих.

И, наконец, желание. Те, кто заглянет на эти страницы, среди прочего найдут, а как же иначе, множество страшных историй: «Есть две вещи, которые текут и возвращаются, и благодаря движению, подобно водам рек, сохраняют свежесть и вечность: это кровь и золото», – писал Ферлосио⁸. И все же, если какой-то дух и будет ходить по этим водам, то пусть это будет дух Виславы Шимборской⁹ с ее ясным, точным и глубоко человеческим словом: «Реальность требует, чтобы и это было сказано: жизнь продолжается»¹⁰. В начинающемся с этих слов стихотворении Шимборская, которая, подобно миллионам других людей, испытала на себе последствия двух тоталитарных режимов своего века, задает вопрос: «Может, и нет иных мест, кроме полей битвы?» – но тут же говорит самой себе, говорит нам, что и в Каннах и в Бородино, в Вердене и Перл-Харборе, на Косовом поле и у мыса Акции жизнь продолжается, туда долетают письма, там танцуют парочки, ездят фургоны, а дети едят мороженое: «Где Хиросима, там опять Хиросима и производство товаров повседневного потребления. Этот ужасный мир

⁸ Рафаэль Санчес Ферлосио – испанский писатель.

⁹ Польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии по литературе 1996 г.

¹⁰ Здесь и далее в пер. А. Щетникова.

– не без обаяния, не без рассветов, на которых хорошо просыпаться». Она задается вопросом: «Какая отсюда мораль?». И сама же дает на него ответ: «Наверное, никакой». Но в конце приходит к выводу, что «на трагических перевалах ветер срывает шляпы с голов, и никак не помочь – нас смешит эта картина».

В конце этого путешествия сквозь века мы увидимся вновь. А пока давайте же смеяться. Ведь жизнь продолжается, и реальность требует, чтобы это было сказано.

Не в своей тарелке

Когда поэт Марк Валерий Марциал впервые оказался в Риме, ему на тот момент уже исполнилось двадцать пять лет, у него было мало денег и не слишком много знакомых, но он надеялся, а может, даже и был уверен, что в центре мира обязательно найдет то, что его родная Испания не смогла ему дать: славу и богатство. И если многие другие люди, прибывавшие в Рим в поисках того же, терпели неудачу, то Марциал, пусть отчасти, но добился успеха. Именно в том, что его волновало меньше всего.

Марциал прибыл из города Бильбилис, что располагался, с одной стороны, неподалеку от Колонии Цезараугуста¹¹, а с другой – в пяти днях езды (если быстро гнать лошадей) от столицы провинции – Тарракона¹². Давайте же представим себе этого недавно прибывшего, гордившегося «происхождением от кельтиберов» и хваставшегося своей «непослушной испанской гривой», в его первый день в мегаполисе. Напуганный до смерти, подавленный, беспомощный. Возможно, он испугался толпы, шума, запаха, царившего на улицах безумства. Эта картина, безусловно, потрясала. Каким бы ни был его первый день в Риме, нетрудно догадаться, что после ничего хорошего не случилось, иначе информации о Марциале было бы гораздо больше. Нам известно лишь то, что в течение последующих двадцати лет, после 64 года, года его прибытия, он безуспешно пытался быть адвокатом, писать рекламные тексты и прославлять императорскую семью. Кроме того, он написал несколько стихов, о которых спустя годы предпочитал не вспоминать, и снимал комнатку на третьем этаже здания на улице Пераль – комната была настоящей дырой, с одним-единственным окном. Окном, которое, к тому же, едва закрывалось. Тем не менее, учитывая, что Марциал завел много друзей и не умер с голоду, можно предположить, что дела у него шли не так уж и плохо.

Эти два десятилетия божественного выживания, восхваления сильных мира сего, прошения милостыни и погружения в изматывающую столичную суету вылились в увидевший свет в 86 году сборник эпиграмм (небольшие стихотворения, колкие, остроумные, сатирические, впитавшие в себя римский юмор). Это была первая из двенадцати книг, благодаря которым Марциал вошел в историю. На страницах этих книг мы можем прогуляться по улицам Рима и посетить его форумы, театры, рынки, публичные дома, таверны, библиотеки, храмы, дворцы, мраморные портики и грязные углы, кварталы с лачугами и общественными банями, небольшие книжные магазины и большие виллы; его стихи рассказывают истории о трактирщиках-мошенниках, продающих грязную воду словно вино, о бесполезных врачах, которые не лечат от болезней, а провоцируют их, о профессиональных пьяницах, живущих от одной пирушки до другой, о людях в поисках наследства, соблазняющих умирающих бездетных стариков, о модниках, купцах, попрошайках, женщинах и мужчинах, господах и слугах, плебеях и патрициях, новых и старых богачах, привлекательной молодежи и лысых в париках, а также о великих лицемерах, как Невол, о котором Марциал пишет так: «Член заболел у раба, ты за задницу держишься, Невол – нужно ль оракулом быть, чтобы понять, что к чему?» А еще поэт жалуется, жалуется не переставая. На пекарей, которые не дают спать по ночам, на школьных учителей, которые не дают спать днем, на кузнецов, глашатаев, торговцев, разносчиков, из-за которых ни на минуту нельзя сомкнуть глаз. На друга-нахлебника, который просит дать почитать книги, но не покупает их. На знакомую, у которой отвратительная привычка целовать свою собаку в морду. На это окно, которое едва закрывается. На этот ужасно суетливый Рим, раскинувшийся у изножья его кровати, жестокий город, в котором «дорого голодать» и в котором можно только чудом выживать, город, в котором он начинает сожалеть о том, что его родители,

¹¹ Старинное название современного испанского города Сарагоса.

¹² Современная Таррагона.

«идиоты», отправили его учиться грамоте, а не чему-то более практичному. Самый неистовый город на свете, вулкан из миллиона душ, который вынуждает его воскликнуть: «Розы бери, развались, пей вино, умащайся ты нардом!»¹³ Уникальное место в мире, подарившее ему славу, но не богатство. Место, в котором он всегда чувствовал себя не в своей тарелке.

Или, по крайней мере, так считалось. Правда заключается в том, что Марциалу надоело влачить жалкое существование, прозябать в бедности и зависеть от покровительства других. А еще ему надоели судебные разбирательства, зависть и сложности общественной жизни большого города. Он скучал по Испании и постоянно мечтал о том, как вернется в свой родной Бильбилис и вновь увидит снега Монкайо, воды Тахо и Халон. Он мечтал о том, как будет жить плодами земледелия, искать дрова и охотиться в близлежащем лесу, вести спокойную и простую жизнь и сможет наконец выспаться. Несмотря на то, что его книги читали не только по всему Риму, но и по всей империи, ему так и не удалось достичь того уровня престижа, с которым приходит и богатство. Для этого нужно было писать разную эпическую чушь, полную циклопов, минотавров и горгон. Чушь, которую он, сентиментальный лентяй и острослов, отказывался писать. «Здесь человека найдешь – им моя книжка сильна!»¹⁴ – гордо провозглашал он, говоря о своих произведениях. В общем, он мог сколько угодно мечтать о возвращении, но ему было нечем оплатить это путешествие. В конце концов его друг, Плиний Младший, возможно, сжалившись над ним, одолжил ему денег. И спустя 34 года Марциал наконец вернулся в родной дом.

Теперь он оказался в своей тарелке. На первых порах он поселился в доме, подаренном ему поклонницей и подругой по имени Марцелла, и, казалось, наслаждался тем подобием идиллической жизни, которую сам себе придумал. Более того, в одной из своих эпиграмм, посвященных другу, поэту Ювеналу, Марциал смеется над страданиями, которые последний претерпевает в Риме, и сообщает, что сам, дескать, напротив, встает поздно, хорошо питается, не тратится на одежду и проводит время в кругу хороших простых людей: «Так и жить я хочу и так скончаться»¹⁵, – заключает он. Однако через некоторое время что-то идет не так. Три года спустя, в своем, возможно, последнем написанном тексте, он сообщает одному из своих друзей о том, что ему осточертели поля, горы и леса и что он скучает по улицам, театрам, библиотекам и праздникам Рима. Он даже перестал сочинять стихи и пишет их лишь тогда, когда его обязывают. А что до хороших и простых людей, то Марциал может вытерпеть лишь Марцеллу. Соотечественники кажутся ему убогими и завистливыми, и рядом с ним в деревне живут негодяи, которые, как он пишет одному из друзей, и вовсе сделали его существование невыносимым. Кроме того, будто бы всего перечисленного было недостаточно, если ему не хотелось умереть с голоду, то даже в Испании приходилось просить милостыню и рано вставать: «Милый мой Рим, раз и здесь вставать засветло, лучше вернись». Но он не вернулся.

В Риме он оставался испанцем, в Испании же пытался поступать как римлянин. И если не брать во внимание другие очевидные вещи, именно поэтому история Марциала представляет для нас такой интерес. Ведь она повествует о чем-то столь же человеческом, как сам смех: о том, каково это – ощущать себя не в своей тарелке. Нет ни одного человека на земле, кто бы не испытывал это чувство хоть раз, и, к сожалению, есть даже те, кто с этим чувством проживает всю свою жизнь. Иногда оно рождается изнутри, иногда навязывается извне; иногда оно зависит от того, находимся мы в определенном месте или нет, а иногда – от общества, которое нас окружает. Порой нам кажется, что мы не на своем месте, а иногда бывают моменты, и их, наверное, гораздо больше, когда нам не позволяют оказаться на том месте, которое мы жаждем занять. Это чувство появляется снова и снова, сколько бы раз мы ни перемещались из

¹³ Пер. Ф. Петровского.

¹⁴ Пер. Н. Шатерникова.

¹⁵ Пер. Ф. Петровского.

одного места в другое, уподобляясь Марциалу. Возможно, его история и другие, которые идут в продолжении, смогут послужить нам уроком. Это истории о жизни людей, которые по разным причинам не смогли найти себе подходящего места в окружающем мире. В действительности в этом мире порой для них и вовсе не было никакого места.

Но напоследок нужно сказать, что спустя шесть лет после возвращения в Испанию, при неизвестных обстоятельствах, Марциал скончался. Новость о его смерти сильно огорчила Гая Плиния. В письме, в котором он сообщает их общему другу о кончине Марциала, он описывает умершего следующей фразой: «Был он человек талантливый»¹⁶. Также Плиний задается вопросом, останутся ли стихи Марциала в истории, так, как этого и хотел их автор. В таком случае, возможно, узнав, что две тысячи лет спустя мы продолжаем читать его эпиграммы, Марциал бы обрадовался. А может быть, и нет. Судя по тому, что мы о нем знаем, он бы, скорее всего, сказал, что посмертная слава – это, конечно, здорово, но он предпочитает деньги. И, если уж на то пошло, тихую, расположенную не на последнем этаже, квартирку. Со множеством окон. Или даже с одним, лишь бы оно плотно закрывалось.

¹⁶ Пер. М. Е. Сергеенко.

Высокая, тощая, с огромным носом О девушке, которая противостояла нацистам, делая то единственное, что умела

Гораздо хуже, чем можно себе представить. На самом деле ее звали не Эдда ван Химстра. Ее настоящее имя звучало очень по-английски, возможно, даже слишком. И в Нидерландах, оккупированных немцами, эта деталь могла стоить ей жизни. Идея сменить имя принадлежала ее матери, которая чувствовала вину за то, что обрекла дочь на такое существование, и не хотела без необходимости подвергать ее риску. В 1939 году, за шесть лет до этого, все было по-другому. Они обе жили в английской глубинке, где Эдда наслаждалась получением привилегированного образования. Затем Германия вторглась в Польшу, Великобритания объявила Германии войну, и мать Эдды решила вернуться на родину, надеясь на то, что нейтралитет, который соблюдала ее страна, позволит им жить вдали от конфликта. Она ошиблась: в 1940 году, без объявления войны, в ходе blitzkrieg нацисты захватили Нидерланды. Через пять лет скрывающиеся в подвале Эдда и ее мать из-за голода и холода окажутся на грани смерти.

Эдда ван Химстра родилась в Брюсселе в 1929 году. Ее отец, Джозеф Растон, британский подданный, служил почетным консулом в Ост-Индии. Ее мать, Элла ван Химстра, была потомственной аристократкой, наследницей голландских баронов. Благодаря своему происхождению маленькая Эдда уже в пять лет начала заниматься балетом и бегло разговаривала на английском, французском, голландском, испанском и итальянском. Из-за работы отца семья Эдды перемещалась из одной страны в другую, пока наконец не обосновалась в Англии, где Растон присоединился к Британскому союзу фашистов и стал крутить романы с гувернантками. Элла, сытая по горло изменами мужа, развелась с ним и переехала на юг Лондона. Когда вспыхнула война, мать вместе с дочерью перебрались в тихий и живописный, на тот момент, голландский городок Арнем, где у родителей Эллы был свой дом. Первые годы немецкой оккупации Нидерланды, современная, развитая и просвещенная страна, провели достаточно спокойно. Несмотря на то, что имущество семьи конфисковали, в жизни Эдды были футбольные матчи, пикники в поле и уроки балета. Но с наступлением 1942 года все изменилось. Терпевшая серьезные поражения Германия ужесточила контроль над оккупированными территориями. На глазах у Эдды за принадлежность к Сопротивлению расстреляли ее дядю, а брата Яна сослали в один из берлинских трудовых лагерей, где он умер в рабских условиях: «Мы видели, как молодых людей ставили к стене и расстреливали. Для этого перекрывалась целая улица, затем ее не торопясь открывали, и вы могли снова спокойно продолжать путь... Не ставьте под сомнение ничего из того, что вы слышали или читали про нацистов. На самом деле все было гораздо хуже, чем можно себе представить». Эти две смерти убедили ее в необходимости бороться с немцами. И Эдда решила сражаться тем способом, который ей лучше всего удавался: танцуя.

* * *

Дым от английской сигареты. В изготовленных ее матерью костюмах и в компании знакомого пианиста Эдда множество раз танцевала в подпольных постановках, целью которых было собрать деньги на помощь Сопротивлению. Эти представления проходили за забаррикадированными дверьми и заколоченными окнами, в подсобках и на складах, где царил ужас, и из-за страха быть услышанными никто не решался пошевелиться. Естественно, об аплодисментах не было и речи: «Моя самая лучшая публика в конце выступлений не издавала ни звука», — шутила позже Эдда. Кроме выступлений на подпольных сценах, она также была курьером

Сопrotивления – под безразмерной одеждой она пронесла разные документы и посылки. Несколько раз она потерпела неудачу. Однажды ее задержали и перед тем, как отправить в военный бордель для занятия проституцией, заставили работать на кухне, откуда ей удалось сбежать. А в другой раз она смогла одурачить солдат благодаря своей внешности: немцы получили известие о том, что один участник сопротивления скрывался в лесу, ожидая приземления десантника-союзника, но, едва прибыв на место, они подумали, что эта информация была ложной, потому что вместо ожидаемого ими свирепого партизана они увидели лишь девушку, невинно собирающую цветы. Жизнь Эдды была в опасности не только из-за ее тайной деятельности: она говорила на нидерландском с британским акцентом, который в любой момент мог ее выдать, и поэтому, чтобы не дать немцам раскрыть себя, ей приходилось односложно отвечать, притворяться глухой или слабоумной. Каким-то чудом она раз за разом избегала плена, но по мере приближения 1944 года ее положение, как и положение всех нидерландцев, изменилось. Из плохого оно превратилось в отчаянное.

В дополнение к самой суровой за многие годы зиме и блокаде продовольствия и припасов пришла война. Союзники высадились в Нормандии, и немцы пошли в контратаку. Так как Арнем располагался где-то посредине, он был усеян бомбами. Пока шли бои, Эдда с матерью скрывались в подвале и выходили оттуда, только чтобы взглянуть на оставшиеся части дома. Наступление союзников провалилось, и нацистам удалось продлить свою агонию еще на один год. В итоге нидерландцам пришлось питаться тюльпанами. В какой-то момент не осталось даже ни одного гроба.

Однако утром 29 апреля 1945 года, совершенно обессиленные, Эдда с матерью решили покинуть свое убежище. С этажа выше до них долетел запах сигарет. Английских сигарет. Они поняли, что спасены. У Эдды анемия, серьезные проблемы с дыханием, отеки от водянки ноги. Солдаты дали ей поесть, она выпила залпом банку сгущенки и тут же заболела. Ей все равно. Четвертого мая, в ее шестнадцатый день рождения, фельдмаршал Монтгомери принял капитуляцию оставшихся в Нидерландах немецких войск. Для нее война закончилась.

После своего освобождения Эдда вернулась в балет. Она ни разу, даже в самые тяжелые часы, не переставала мечтать о жизни, посвященной балету и актерскому мастерству. Тогда, в подвале, чтобы унять беспокойство, она рисовала играющих со своими хозяевами собак; детей, пребывающих в восторге перед новогодней елкой; разноцветные шары и танцующих на солнце львов. Прожитые в подполье и убежище годы навсегда отразятся на ее здоровье. Девушка, которая, сражаясь с нацистами, рисковала жизнью, казалась себе очень высокой, тощей и с огромным носом, но ничего из этого не помешало ей добиться успеха: 25 марта 1954 года, менее, чем через десять лет после того, как она почувствовала дым от той английской сигареты, Эдда ван Химстра, которую звали Одри Хепберн, получила Оскар как лучшая актриса за роль в фильме «Римские каникулы».

Она так и не смогла привыкнуть. Хепберн, как никто другой, воплощала в себе то, чего ждут люди от голливудской звезды, но среди толпы фотографов, моря красных дорожек и вечеринок, полных знаменитостей, она так и не почувствовала себя своей. Невозможно оставить в прошлом девочку, видевшую и пережившую столько зверств. Боль, которую она испытывала, была настолько велика, что за всю оставшуюся жизнь она так и не смогла произнести имена родственников, убитых нацистами. Она достигла недостижимой для большинства вершины, но всю свою жизнь хранила память о голоде и смерти: «Я познала пронзающий холод человеческого ужаса. Я его видела, чувствовала, вдыхала, слышала». Посреди водоворота славы, премий и людского обожания она оставалась той девушкой, травмированной бомбардировками, расстрелами и видом поездов, на которых евреев увозили прямо на бойню. Спустя два с лишним десятилетия после окончания войны она сказала: «С этим связаны все мои кошмары».

Маскарад и заговор

О шевалье, чья жизнь была покрыта тайной и который прошел по этой земле без обретений и потерь

Спуститься с пьедестала. 10 июня 1763 года король Франции Людовик XV с ужасом обнаружил, что его любовница, маркиза де Помпадур, украла ключи от его самых потаенных ящиков и получила доступ к документам, раскрывающим существование одной более чем сомнительной организации. Она называлась «Королевский секрет» и была неподконтрольной государству разведывательной сетью, которая на протяжении двадцати лет ниспровергала одних правителей, возводила других на престолы и оказывала влияние на европейскую политическую сцену, все это – по личной воле монарха. В это время в Англии жил человек, еще не понимавший, что в тот день было предопределено его будущее, ведь мадам де Помпадур, опасаясь попасть в немилость Людовика XV, использовала эту недавно полученную информацию и оказала давление на короля, призвав его по собственной воле уволить нескольких людей и назначить на их должности других. Среди прочих она назвала имя французского посла в Лондоне, своего заклятого врага. Это был Шарль д'Эон, шевалье и капитан элитного отряда драгун, один из лучших фехтовальщиков своего времени, а также самый секретный и влиятельный член разведывательной сети. И Помпадур желала его смерти.

До этих событий д'Эон преспокойно жил себе в Англии. Благодаря должности посла его жизнь состояла из праздников, вина, еды и хитросплетений высшего общества. Во время пребывания на этой должности он разошелся настолько, что его персональные расходы стали намного превышать бюджет посольства, но он был в таком восторге от своего образа жизни, что не собирался спускаться с пьедестала. И уж тем более он не собирался делать это ради того, чтобы пощадить придворный бюджет. Тем более что в рукаве у него было припрятано несколько писем, способных склонить чашу весов в его пользу: как знал д'Эон, королю было прекрасно известно, что помимо развлечений и работы дипломатом в Лондоне его шпион был занят и другими делами. Например, готовил план возможного вторжения. Один из тех планов, который после обнародования мог бы привести к войне двух стран. Один из тех планов, чья масштабность требовала почти абсолютной конфиденциальности. На самом деле существует вероятность того, что, кроме создателя плана и самого монарха, никто ничего не знал. Поэтому д'Эон, которому нужно было опередить события и взять ситуацию под контроль, планировал свой ход против Помпадур и короля. И для этого он тоже собирался использовать свои знания.

* * *

Жизнь шевалье. Шарль д'Эон, родившийся в 1728 году в знатной семье, проживавшей за городом и имевшей хорошие связи, прилагал все возможные усилия и изобретательность, чтобы пробиться в государственную структуру Франции, пока наконец в возрасте тридцати лет его не назначили Королевским цензором истории и литературы. Однако король задолго до этого распознал его таланты и двумя годами ранее завербовал его в «Секрет». В 1756 году король поручил д'Эону очень необычную миссию: отправиться в Россию и пробиться в узкий круг императрицы, предварительно выдав себя за женщину. Это была глупая идея, настоящее самоубийство, но результат оказался не так уж и плох. У д'Эона была андрогинная внешность, и благодаря своему худощавому телосложению, отсутствию растительности на лице, а также способности плести интриги и устраивать маскарад он добился того, что его сделали фрейлиной императрицы, и на протяжении четырех лет ему удавалось скрывать свое истинное лицо. По крайней мере, он так сам говорил. Достоверно известно лишь только то, что он отправился

с разведывательной миссией в Россию и что, когда Людовик XV приказал ему вернуться, он возглавил отряд драгун на заключительных этапах Семилетней войны, а после был отправлен в Лондон для составления мирного договора, который бы положил конец конфликту. Благодаря своему труду и интересной жизни он превратился в настоящую тайную легенду, о которой говорила вся Европа, и король в конце концов назначил его послом в Англии. После все пошло прахом.

* * *

Спасти голову. В Лондон уже прибыл новый посол, союзник Помпадур, но д'Эон отказался покидать свой пост и возвращаться во Францию. Более того, он продолжал приходить каждый день в посольство, будто бы ничего не изменилось. На протяжении целого десятилетия он шпионил для Людовика XV, и то количество конфиденциальной информации, которой он владел, поистине ошеломляло. Именно поэтому он мог позволить себе побороться с монархом, ведь он хотел убедиться в том, что даже если и вернется, то сделает это на своих условиях. Например, на условии «не быть убитым». Ему лишь нужно было продемонстрировать, что с таким врагом, как он, шутки плохи. Поэтому д'Эон сказал новому послу, что либо ему платят баснословную сумму и он без проблем возвращается во Францию, либо он обнародует план вторжения и расскажет о существовании «Секрета». Последовавший ответ застал его врасплох.

Король потребовал его экстрадиции, а новый посол попытался его отравить. Вскоре это столкновение перешло в газеты, на страницах которых появились перекрестные обвинения и клевета. Хотя английские власти и не углублялись в данный вопрос, они наслаждались развернувшимся спектаклем, этой суровой битвой между дипломатами, и отказывались выдавать д'Эона. И вот тогда д'Эон решил перейти в контратаку и, храня в секрете самую компрометирующую часть информации, опубликовал свою конфиденциальную переписку, в которой раскрыл кое-какие факты, оказавшие эффект разорвавшейся бомбы, из-за которых атмосфера Франции, и без того наэлектризованная, накалилась еще сильнее. Разгорелся страшный скандал. Король устал и наконец понял, что лучший выход в данной ситуации – это купить молчание д'Эона. В конце концов он не только прекратил его преследовать, но даже предоставил ему пенсию. Более того, при желании д'Эон мог продолжать шпионить. Единственное, что от него требовалось – это отказаться от той баснословной суммы, замолчать, остаться в Англии и никогда больше не возвращаться во Францию. Конфликт был исчерпан. Шевалье победил, его голова была спасена. По крайней мере на какое-то время.

Но порой одного лишь спасения бывает недостаточно. Его новое существование, шаткое и ничтожное, вдали от празднеств, лишённое всякой роскоши, совершенно не было похоже на его прежнюю жизнь, которая так ему нравилась. К тому же он жаждал вернуться во Францию. Он слишком давно отсутствовал. Тем не менее он понимал, что король так просто не позволит ему этого сделать. Поэтому д'Эону было необходимо вновь форсировать события и восстановить контроль над ситуацией. Положительный момент заключался в том, что и на этот раз он знал, как это сделать. Ему лишь нужно было достать последний козырь. И по этой причине в один прекрасный день шевалье Шарль д'Эон, капитан драгун, дипломат и шпион французской короны, один из лучших фехтовальщиков своего времени, более десяти лет бросающий вызов монархии, начал носить женскую одежду, чтобы показать всем, что на самом деле он не мужчина.

Д'Эон, теперь уже мадемуазель, вновь оказался в центре внимания. Его телосложение не раз становилось объектом слухов и сплетен, но на этот раз все было по-другому. На этот раз он сам говорил, что является женщиной. В Лондоне эта история сразу же стала главной темой для разговоров, люди делали ставки, спекулировали на бирже и сплетничали в газетах. Несмотря на это, д'Эон не давал себя осмотреть. Он разыграл свой последний козырь и не собирался

тратить его впустую. Волнение возросло до такой степени, что Людовику XV пришлось вмешаться и потребовать, чтобы д'Эон перестал издеваться над Францией и раз и навсегда разъяснил, мужчина он или нет. Итак, д'Эон, наконец, позволил врачам провести осмотр и выдать сертификат. И вот, после стольких лет скандалов, после целой жизни сплетен и кривотолков врачи сказали, что слухи верны – шевалье Шарль д'Эон, капитан драгун, дипломат и шпион французской короны, один из лучших фехтовальщиков своего времени, более десяти лет бросающий вызов монархии, к радости тех, кто сделал на это ставку – женщина. Вскоре после этого Людовик XV умер. «После меня хоть потоп», – по слухам, сказал он.

* * *

Потоп. Предсказание, по крайней мере для д'Эон, оказалось пророческим. Едва взойдя на престол, Людовик XVI издал декрет об отмене «Секрета» и планировал раз и навсегда решить проблему отбившейся от рук шпионки с компрометирующей информацией. Поэтому он сообщил д'Эон, что та прощена. Она могла вернуться во Францию. Она даже получала бы пенсию, как прежде. Ей требовалось лишь передать всю информацию королю, который, в свою очередь, помилует ее. Предложить такую сделку – единственное, что король мог сделать, другого выхода у него не было. Казнив мадемуазель, он не только испортил бы себе имидж, но и косвенно признался бы в том, что стабильность Франции была под угрозой из-за женщины. Человеком, избранным для поездки в Лондон с целью согласования условий для возвращения д'Эон, стал писатель, изобретатель, часовщик, ботаник, музыкант, торговец оружием и тоже шпион Пьер де Бомарше. Переговоры продлились больше года, но к соглашению все же пришли: д'Эон могла вернуться к своей жизни и сохранить пенсию лишь в том случае, если помимо уничтожения конфиденциальных документов продолжила бы одеваться в женские наряды и жить как женщина. Д'Эон согласилась на эти условия, но, едва прибыв во Францию, появилась при дворе в форме капитана. Стало понятно, что клубок так и не распутали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.